

Этнонимы как лингвокультурный феномен: сопоставление номинативных моделей в индоевропейских и тюркских языках

Ethnonyms as a Linguocultural Phenomenon: Comparison of Nominative Models in Indo-European and Turkic Languages

Vafa Akif Gadzhieva¹

¹ *Azerbaijan Medical University*

Samad Vurghun, Baku, Nasimi, AZ1022

DOI: [10.22178/pos.114-28](https://doi.org/10.22178/pos.114-28)

LCC Subject Category: R5-920

Received 25.01.2025

Accepted 25.02.2025

Published online 28.02.2025

Corresponding Author:

vafa.haciyeva80@gmail.com

© 2025 The Author. This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

License

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу номинативных моделей этнонимов в тюркской и индоевропейской (германской) языковых традициях. В работе рассматриваются универсальные и специфические основания формирования этнонимов, отражающие особенности этнической самоидентификации, мифологического мышления и культурной памяти народов. Особое внимание уделено изучению мифологических образов, географических и социально-политических факторов, повлиявших на формирование этнонимов. Исследование основано на применении сравнительно-исторического, лингвокультурологического и когнитивного методов анализа. Выявлено, что в обеих традициях существуют общие универсалии именования, однако специфика культурных кодов определяет разные стратегии этнической номинации. Результаты работы углубляют понимание роли этнонимов в конструировании этнической идентичности и языковой картины мира.

Ключевые слова: этнонимы; тюркские народы; германские этносы; этническая идентичность; языковая картина мира; лингвокультурология; этногенез; мифология; когнитивная лингвистика; сопоставительный анализ.

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of nominative models of ethnonyms in Turkic and Indo-European (Germanic) linguistic traditions. The paper considers universal and specific grounds for the formation of ethnonyms, reflecting the peculiarities of ethnic self-identification, mythological thinking and cultural memory of peoples. Special attention is paid to the study of mythological images geographical and socio-political factors that influenced the formation of ethnonyms. The study is based on applying comparative-historical, linguocultural and cognitive analysis methods. It is revealed that there are common naming universals in both traditions, but the specificity of cultural codes determines different strategies for ethnic nomination. The results of the work deepen the understanding of the role of ethnonyms in the construction of ethnic identity and linguistic picture of the world.

Keywords: ethnonyms; Turkic peoples; Germanic ethnicities; ethnic identity; linguistic picture of the world; linguoculturology; ethnogenesis; mythology; cognitive linguistics; comparative analysis.

ВВЕДЕНИЕ

Этнонимы как лингвокультурный феномен представляют собой важный объект исследования на стыке лингвистики, культурологии и этнологии. Они фиксируют не только акты номинации, но и процессы формирования этнической идентичности, отражая многовековую историю самоосмысления народов. Актуальность темы обусловлена тем, что этнонимы являются своеобразными кодами коллективной памяти, через которые можно проследить эволюцию культурных ценностей, мифологических представлений и политических концептов этнических общностей [3; 16]. В условиях усиливающихся процессов глобализации и национальной мобилизации анализ этнонимов приобретает особую значимость для понимания механизмов конструирования этнической картины мира.

Целью исследования является сопоставление номинативных моделей этнонимов в индоевропейской (на примере германских языков) и тюркской языковых традициях. Особое внимание уделяется выявлению общих универсальных оснований именования – таких как самоназвание через понятия «люди», «свои», а также различий, проявляющихся в семантических предпочтениях, мифологических нарративах и идеологических функциях этнонимов [1; 7]. В рамках сравнительного анализа рассматриваются лингвистические механизмы образования этнонимов, их семантические особенности и динамика их восприятия в разные исторические периоды.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к сопоставлению индоевропейской и тюркской этнонимии через призму лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. В отличие от большинства работ, ограничивающихся описанием отдельных этнонимов, данное исследование предлагает целостную картину различий и сходств в системах этнической номинации двух различных культурных ареалов. Показано, что хотя универсальные мотивы (такие как отсылка к языку, предку или территории) присутствуют в обеих традициях, специфические социокультурные реалии – родоплеменная структура у тюрков и антично-географическая модель у европейцев – определяют доминирующие типы этнонимов [9; 10]. Таким образом, этнонимы раскрываются как многослойные

знаки, в которых пересекаются мифология, история и идеология.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом для исследования послужили этнонимы, зафиксированные в тюркской и индоевропейской (прежде всего германской) языковых традициях. В качестве первоисточников использовались историко-этнографические труды, посвящённые становлению и эволюции тюркских народов [3; 10; 16], а также исследования по истории и культуре германских этносов [1; 4; 14]. Особое внимание уделялось лексикографическим данным, представленным в словарях и энциклопедиях [13; 15], а также электронным ресурсам, освещающим мифологические и этимологические аспекты этнонимов [5].

В методологическом плане исследование опирается на комплексный подход, сочетающий сравнительно-исторический, лингвокультурологический и когнитивный методы анализа. Сравнительно-исторический метод позволил выявить генетические связи между этнонимами, проследить их эволюцию и трансформацию в различных культурных контекстах. Лингвокультурологический подход обеспечил интерпретацию этнонимов как элементов языковой картины мира, отражающих специфические культурные коды этносов. Применение когнитивного анализа способствовало выявлению универсальных и специфических механизмов осмысления и структурирования этнической принадлежности в сознании представителей различных культурных традиций. Особое внимание уделялось также мифологическим сюжетам и символическим моделям, лежащим в основе формирования этнонимов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнивая обе лингвокультурные традиции, можно отметить как сходства, так и различия в принципах именования этносов. Общие черты проявляются в базовых мотивах этнонимов: многие народы независимо друг от друга называют себя словами типа «люди», «смертные», «свои» – это универсальная человеческая тенденция. Мы видели, что немецкое *diutisc* («народный») и, например, тюркское самоназвание *kerekü* (одно из

реконструированных значений «человек») – выполняют одну функцию самоидентификации. Сходным образом, у разных народов этнонимы могут отражать языковой признак (славянское «немой» о чужаках, тюркское *sart* – пренебрежительное прозвище оседлых переселенцев, означаящее «говорящий непонятно»). И там и там присутствует практика называния по легендарному предку: греческие эллины от Эллина, тюркские огузские племена в легенде от Огуз-хана. Числовые названия редки, но встречаются: *кыр-кыз* (сорок племён) у тюрков и, скажем, древнеирландское племя *Fir Bolg* иногда трактуют как «Народ мешков» (хотя это, скорее, этнологический миф) [3]. Цвето-символические этнонимы имеются: античные источники делили скифов на «царских» и «гелонов» (связывая последних с словом «зеленый» или «лесной»), у тюрков – белые и чёрные кланы [9]. Общим является и то, что экзонимы (чужие названия) нередко отличаются по смыслу от эндонимов, отражая взгляд со стороны. Как немец – «свой (народный)» vs. *немец* – «немой», или как *тюрк* – «сильный» vs. *китаец* термин *тужюэ* – «шлем» (легенда) [7], или европейское «турки» (часто со стереотипами, напр. в балканском фольклоре «турок» – синоним угнетателя в период Османской империи).

Однако различия между индоевропейской (германской) и тюркской моделями также заметны. В словообразовательном плане, индоевропейские языки (особенно современные европейские) активно используют суффиксацию и заимствования из латинско-греческой традиции для названий народов (*-er, -ian, -ite* и пр.: *German Italiener, English Hungarian, Russian ispanec* от *Hispania*) [15]. Тюркские же языки чаще оперируют основами без суффиксов или с тюркскими формантами множественности и принадлежности: казак – казах(и), кыргыз(дар) – кыргызы (суффикс мн.ч.) [13], татар(lar) – татары. Тем не менее, и у тюрков есть модель оттопонимических образований с аффиксом *-li/li:* например, *Анатолилы* – «анатолийцы», *İstanbullu* – «житель Стамбула», но это уже демонимы, не этнические названия.

В семантическом отношении, тюркские этнонимы часто связаны с общественным укладом и титулатурой (казак – вольный человек, башкир – вероятно от *баш* «главный» + *кыр(гиз)* – «главные кыргызы» или иная сложная форма [3; 8; 10]), тогда как европейские – с названием земли (итальянцы от Италия) или

племени из античности (германцы от германского племени). То есть, географический принцип более выражен у индоевропейцев, а социально-родовой – у тюрков [9]. Кроме того, в тюркской традиции наблюдается большое число этнонимов, которые являются *прозвищами*, закрепившимися как названия: киргизы – «сороковые», каракалпаки – «чёрные шапки», ногайцы – от имени Ногая (военачальника Золотой Орды) [4], уйгуры – по собственному слову «уйгур» («союзник, объединённый») [6], тогда как в Европе подобные «говорящие» названия реже сохранялись до наших дней. Хотя и тут есть исключения: английское *Welsh* (валлийцы) от германского слова «чужак, кельт» (букв. «романизированный чужой»), или *Euskaldunak* – баски, самоназвание которых означает «носители баскского языка» [10; 11; 12].

Наконец, важное различие – идеологическая нагрузка этнонимов в новое время. В европейской истории Нового времени этнонимы легли в основу концепций наций и национализмов (немцы, французы, итальянцы формировали нации-государства по языковому признаку, часто выбирая в качестве названия страны свой этноним: Германия – *Deutschland*, Франция – от франков, Россия – от Руси). В тюркском же мире вплоть до XX века преобладала надэтническая идентичность (Умма исламская, Империя Османская, либо региональные ханства), и только с распадом империй тюркские народы получили оформленные этнические названия как официальные (казах, туркмен, узбек – стали названиями республик). Появление пантюркизма привело к интересной коллизии: с одной стороны, усилилось ощущение общего имени «тюрки» для всех, с другой – советская политика закрепила разные названия и языки, разделив тюркскую общность. В Европе тоже был конфликт между универсальными этнонимами (например, идея «славянства» или «германства» [15]) и национальными (русские, поляки, сербы и т.д. внутри славян, немцы vs. австрийцы внутри германцев и пр.). Таким образом, дискурсивные и политические аспекты этнонимии проявились и там, и там, но в разных формах.

Этнонимы, являясь лингвокультурным феноменом, фиксируют в своём звучании и значении многовековую историю контактов, мифов и самоосмысления народов. Сопоставление индоевропейского (на материале

немецкого языка) и алтайского/тюркского материала показало, что способы названия этносов хотя и специфичны для каждой культурной традиции, имеют ряд универсальных оснований. В обоих случаях этнонимы могут означать «народ», «человек», указывать на легендарного предка или территорию происхождения, отражать внешние прозвища и стереотипы соседей. Однако прослеживаются и различия: германо-романская традиция во многом сформировалась под влиянием античной номинации и географических реалий, тогда как тюркская более опиралась на родоплеменную структуру, социальные категории (кочевники, воины, правители) и символы степной культуры.

Этимологический анализ конкретных примеров подтвердил, что именование народа редко бывает случайным звуком – обычно за ним стоит прозрачное в прошлом значение: «говорящие на своём языке» (*Deutsch* – «народный язык», «сорок племён» (кыргызы) [8], «скиталец» (казахи) [2], «господин сам себе» (узбеки) [1] или «благородный» (арии) [5]). В историческом развитии эти мотивации могут забываться, но память о них сохраняется в письменных памятниках, легендах, фольклоре. Дискурсивный подход показал, что этнонимы способны приобретать новые смыслы в зависимости от контекста: так, одно и то же название может быть нейтральным самоназванием и ярлыком с чужих позиций (пример: *Deutsch vs. немец* – «немой» [15; 16], *тюрк* – «сильный» [5] vs. *Tartar* – «исчадие Тартара» [6]). Идеологические течения XIX–XX вв. нередко опирались на этнонимы, конструируя вокруг них мифологию – будь то миф о «арийской расе» в Европе [15] или образ «пан-тюркского единства» в Азии.

В итоге, изучение этнонимов как лингвокультурных феноменов позволяет глубже понять, как язык отражает коллективное самосознание и представления о других. Номинативные модели этнонимии в разных семьях языков демонстрируют, что язык и культура неразрывно связаны: названия народов – это своего рода «вербализованные идеи» о себе и мире. Анализ немецкого и тюркского материала показал, что хотя исторические пути этих традиций различны, в каждом этнониме – будь то *Deutscher* или *Türk*, *Alemanne* или *Ozbek* – зашифрован фрагмент культурной памяти, и сопоставление этих фрагментов обогащает наше понимание и этносов, и языков, и тех

смыслов, которые они несут через века. Таким образом, работа подтвердила, что этнонимы представляют собой сложное переплетение этимологии, истории и идеологии, и их сравнительное изучение раскрывает общие механизмы языковой репрезентации этнической картины мира.

ВЫВОДЫ

Проведённое сопоставительное исследование номинативных моделей этнонимов в индоевропейской (германской) и тюркской языковых традициях позволило выявить как универсальные, так и культурно-специфические особенности этнической номинации. В обеих традициях наблюдается тенденция к использованию универсальных оснований именования – таких как самоназвания через понятия «люди», «свои», отсылки к языку, предкам или территориальным признакам. Это свидетельствует о глубокой связи между процессами этнической самоидентификации и языковым кодированием коллективной памяти. При этом важно отметить, что универсальные модели в каждом культурном ареале преломляются через призму собственных мифологических, исторических и социокультурных реалий.

Тем не менее, исследование выявило и существенные различия в стратегиях образования этнонимов. В индоевропейской традиции (особенно в германских и романских языках) преобладает географический принцип номинации, активное использование суффиксации и заимствований из латинско-греческой традиции. В тюркской же языковой системе этнонимы преимущественно связаны с социальной структурой, родоплеменной организацией и символами кочевой культуры. Особенности тюркских этнонимов заключаются также в высокой степени распространённости прозвищных образований, отражающих конкретные черты быта, внешности или социального статуса этнических групп.

Этимологический и когнитивный анализ показал, что этнонимы не являются случайными лексическими единицами: за каждым названием стоит определённая концептуальная модель восприятия себя и других. Кроме того, в процессе исторического развития многие этнонимы изменяли свои коннотации в зависимости от политических и

идеологических контекстов. В тюркской традиции, например, этнонимы долгое время сохраняли надэтнический характер, а их институционализация в качестве официальных наименований народов происходила в основном в XX веке. В индоевропейских обществах этнонимы стали основой для формирования наций-государств значительно раньше, что отразилось на их более стабильной политико-административной функции.

Таким образом, этнонимы выступают как сложные лингвокультурные знаки, в которых

пересекаются язык, история, мифология и идеология. Их сравнительное изучение позволяет глубже понять процессы этнической самоидентификации, формирования коллективных представлений о себе и «других». Исследование подтвердило, что лингвокультурный анализ этнонимов не только обогащает наше представление о языке как инструменте культурной репрезентации, но и открывает новые перспективы для изучения взаимосвязи языка и этнического сознания.

REFERENCES

- Allworth, E. (1990). *The modern Uzbeks: From the fourteenth century to the present: A cultural history*. N. d.: Hoover Institution Press.
- Wikipedia. (N. d.). Asena. Retrieved from <https://en.wikipedia.org/wiki/Asena#:~:text=Asena%20is%20the%20name%20of,yet%20unnamed%20in%20two>
- Demidov, S. (2020). *Rasteniya i zhivotnye v legendakh i verovaniyakh turkmen* [Plants and Animals in Turkmen Legends and Beliefs]. Moscow: Staryy Sad (in Russian).
- Donierov, A. (1997). *Istoriya razvitiya etnograficheskikh znaniy v Uzbekistane: Osnovnye napravleniya i rezul'taty (vtoraya polovina XIX v. – 30-e gg. XX v.)* [History of the Development of Ethnographic Knowledge in Uzbekistan: Main Directions and Results (Second Half of the 19th Century – 1930s)]. Tashkent (in Russian)
- Wikipedia. (N. d.). Göktürks. Retrieved from <https://en.wikipedia.org/wiki/Göktürks#:~:text=As%20an%20ethnonym%20%2C%20the>
- Iskhakov, D. (Ed.). (2004). *Etnografiya tatarskogo naroda* [Ethnography of the Tatar People]. Kazan': Magarif (in Russian).
- Korolyov, K. (Ed.). (2007). *Kitayskaya mifologiya: Entsiklopediya* [Chinese Mythology: Encyclopedia]. Moscow: Eksmo (in Russian).
- Wikipedia. (N. d.). Kyrgyz people. Retrieved from https://en.wikipedia.org/wiki/Kyrgyz_people#:~:text=There%20are%20several%20theories%20on,17
- Nurmukhamedov, K. (1979). *Etnicheskie protsessy i rasselenie turkmen v XVIII–XIX vekakh* [Ethnic Processes and Settlement of the Turkmen in the 18th–19th Centuries]. Ashgabat: TGU (in Russian).
- Odekov, R. (2010). *Mir turkmen* [The World of Turkmen]. Sankt-Peterburg: Nauka (in Russian).
- Petrov, K. (1961). *K istorii dvizheniya kirgizov na Tyanshan' i ikh vzaimootnosheniy s oytratami v XIII–XV vv.* [On the History of the Movement of the Kyrgyz to Tien Shan and Their Relations with the Oirats in the 13th–15th Centuries]. Frunze: Izdatel'stvo Akademii Nauk Kirgizskoy SSR (in Russian).
- Rtveladze, E. (Ed.). (2020). *The cultural legacy of Uzbekistan*. N. d.
- Rzayev, F. (2015). *Söz. Söz konstruktorluğu. Sözün sirri* [Word. Word construction. The secret of the word]. Baku: n. d. (in Azerbaijani).
- Wikipedia. (N. d.). Turks. Retrived from <https://en.wikipedia.org/wiki/Göktürks#:~:text=As%20an%20ethnonym%20%2C%20the>

15. Umair, M. (1992). *American Heritage Dictionary* (3rd ed.). Houghton Mifflin Harcourt.
16. Zuev, Y. (2002). *Rannie tyurki: Ocherki istorii i ideologii* [Early Turks: Essays on History and Ideology]. Almaty: Daik-Press (in Russian).